

Slavistica Vilnensis
ISSN: 2351-6895
ISSN: 2424-6115
vincas.grigas@leidykla.vu.lt
Vilniaus Universitetas
Lituania

История бытования латинографичной рукописной Псалтирина церковнославянском языке из собрания А. С. Норова

Александровна Целунова, Елена

История бытования латинографичной рукописной Псалтири
на церковнославянском языке из собрания А. С. Норова

Slavistica Vilnensis, vol. 67, núm. 1, 2022

Vilniaus Universitetas, Lituania

Disponible en: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=692473584006>

DOI: [https://doi.org/10.15388/SlavViln.2022.67\(1\).84](https://doi.org/10.15388/SlavViln.2022.67(1).84)

Esta obra está bajo una Licencia Creative Commons Atribución 4.0 Internacional.

История бытования латинографичной рукописной Псалтири на церковнославянском языке из собрания А. С. Норова

The History of the Latin-Graphic Book of Psalms in the
Church Slavonic Language from Norov's Book Collection

Lotyniškais rašmenimis parašyto bažnytinė slavų kalba
rankraštinio psalmyno iš A. S. Norovo knygų kolekcijos
istorija

Елена Александровна Целунова jcelunova@seznam.cz

Независимый исследователь, Прага, Чехия, República Checa

 <https://orcid.org/0000-0001-5485-1466>

Slavistica Vilnensis, vol. 67, núm. 1, 2022

Vilniaus Universitetas, Lithuania

Recepción: 23 Abril 2022
Aprobación: 20 Mayo 2022

DOI: [https://doi.org/10.15388/SlavViln.2022.67\(1\).84](https://doi.org/10.15388/SlavViln.2022.67(1).84)

Redalyc: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=692473584006>

Резюме: Статья посвящена исследованию истории бытования рукописной псалтири с вос- следованием, написанной в начале XVIII в. на церковнославянском языке польскими буквами и хранящейся в ОР РГБ в рукописном собрании А. С. Норова. Авторами рукописи предположи- тельно являются две православные монахини из восточнославянского региона Речи Посполи- той, переселившиеся в это время в Россию. Приводятся сведения, доказывающие нахождение рукописи в подмосковной вотчине князя Андрея Долгорукова — селе Богородском, распо- женном в непосредственной близости от вотчины Московского Вознесенского девичьего мо- настыря. Высказывается предположение, что создательница рукописи могла быть посельской монахиней этого монастыря, проживавшей в селе Богородском. Анализируются косвенные све- дения об авторе рукописи и делается вывод о ее приверженности некоторым образам, характер- ным для культурно- богословской среды Речи Посполитой.

Ключевые слова: псалтирь с восследованием, церковнославянский язык, польский язык, лати- нографичные тексты, Московский Вознесенский девичий монастырь, Речь Посполитая.

Abstract: This article is devoted to the research of the History of the book of Psalms manuscript from A. S. Norov's book collection, stored in the Department of Manuscripts of the Russian State Library. The manuscript was written at the beginning of the 18th century in Church Slavonic language Polish letters by two nuns from the East Slavic region of the Polish-Lithuanian Commonwealth, who moved to Russia at that time. Very few such texts have survived, and almost all of them were created in the Polish-Lithuanian Commonwealth. Records by the owners of the manuscript indicate that the manu- script was found at the estate of Prince Andrei Dolgorukov near Moscow — in the village of Bogorod- skoye, which is located in the immediate vicinity of the Moscow Ascension Maiden Monastery. It is suggested that the creator of the manuscript could be a village nun of this monastery who lived in the village of Bogorodskoye. The article analyzes indirect information about the authors of the manuscript and draws a conclusion about their use of certain symbols characteristic of the cultural and theological environment of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Keywords: the Book of Psalms, Church Slavonic language, Polish language, Latin- graphic text, Prayer Book, Moscow Ascension maiden Monastery, the Polish- Lithuanian Commonwealth.

Summary: Straipsnis skiriamas XVIII a. pradžios rankraščinio psalmyno su tęsiniu iš A. S. Norovo knygų kolekcijos, saugomos Rusijos valstybinės bibliotekos Rankraščių skyriuje, tyrimui. Tekstas parašytas bažnytine slavų kalba lotyniškais rašmenimis. Manoma, kad rankraščio autorės yra dvi vienuolės stačiatikės iš Abiejų Tautų Respublikos rytų slavų regiono, tuo metu persikėlusios į Rusiją. Tokių tekstų išliko labai nedaug, beveik visi jie sukurti Abiejų Tautų Respublikoje. Rankraščio savininkų įrašai rodo rankraštį buvus kunigaikščio Andrejaus Dolgorukovo dvare netoli Maskvos — Bogorods-koje kaime, esančiame šalia Maskvos Žengimo į dangų moterų vienuolyno. Straipsnyje pateikiama prielaida, kad rankraščio kūrėja galėtų surašyti šio vienuolyno kaimo vienuolė, gyvenusi Bogorodskoje kaime. Analizuojama netiesioginė informacija apie rankraščio autorę ir daroma išvada apie jos laikymąsi tam tikrų vaizdinių, būdingų Abiejų Tautų Respublikos kultūrinei ir teologinei aplinkai.

Keywords: psalmynas, bažnytinė slavų kalba, lenkų kalba, lotyniškais rašmenimis parašyti tekstai, Maskvos Žengimo į dangų moterų vienuolynas, Abiejų Tautų Respublika.

В XVII–XVIII вв. в восточнославянских регионах Речи Посполитой широко использовалась латиница для транслитерации кириллического текста, в первую очередь для передачи текстов разных жанров на простой мове [Карский 1921, 210-237; Суркова 2015, 122; Руденко 2019]. Однако сохранились свидетельства о латинографичной транслитерации и богослужебных текстов на церковнославянском (цсл.) языке, ср. следующее:

«изучение языка славянского в униатских монастырях было оставлено; многие из базилиан, даже русские по происхождению, не умея читать по-славянски, служили по тетрадам, написанным польскими буквами» [Хойнацкий 1871, 5]. Свидетельства о латинографичной религиозно-богословской литературе находим и у других авторов [Клімаў 2013].

Главная причина этого явления — слабое знание цсл. языка, в том числе многими православными священнослужителями [Успенский 2002, 405-407], жившими в среде с преобладанием иноконфессиональной церковной традиции и культуры. Так, составители униатского цсл.-польского Лексикона, изданного в 1722 г. в Супрасле, в предисловии сетуют: «...сотный Іерей едва славенскій раз#мѣть #зыкъ, невѣд#й что чететь, в Бж#ествен#ой сл#жбѣ» [ЛекС-1722].

Тем не менее, текстов, написанных латиницей на цсл. языке, сохранилось немного — возможно, потому, что они создавались авторами по собственной инициативе для личного пользования и не подлежали распространению. Пожалуй, самым известным образцом написанного латиницей цсл. текста является изданная в 1671 г. в Вильне книга *Ecphonemata* [Ohilewicz 1671], в первой части которой приводится цсл. литургия параллельно на цсл. и польском языках, причем цсл. текст напечатан польскими буквами. В литературе есть упоминание еще об одном подобном униатском издании — Акафисте Прсв. Богородице, изданном в Почаеве на цсл. языке польскими буквами [Хойнацкий 1871, 451].

В силу немногочисленности дошедших до нас латинографичных текстов на цсл. языке, рукописную Псалтирь с воследованием (или Псалтирь с Молитвословом) на цсл. языке из собрания А. С. Норова, написанную польскими буквами, можно назвать уникальной. Этот памятник письменности хранится в рукописном собрании Российской государственной библиотеки и доступен в электронной фотокопии на сайте Троице-Сергиевой лавры [ПсСН]. Рукопись написана двумя писцами. Поскольку в тексте некоторых молитв встречаются замены мужских форм на женские, можно утверждать, что создательницами рукописи были женщины-монахини [Целунова 2020].

Большая часть текста ПсСН написана первой переписчицей; второй монахиней написано 44 листа, ей же принадлежат пропущенные при переписке и дописанные позже некоторые кустоды и колонтитулы. На последнем листе рукописи она оставила свою подпись: «*pm#e S:T:D mр#a*», которую можно расшифровать как «*.(er) me* (инициалы) *.(anu) .(ropri) .*», а букву S перед инициалами переписчицы — как «*.(ogog)*» ‘сестра’, т. е. «монахиня», или «*.(tarsza)*» ‘игуменья’¹ (подпись в таком случае читается как «мною, монахиней/игуменьей Т:Д собственной рукой»). Буквы Т и Д, скорее всего, являются инициалами переписчицы.

Транслитерация цсл. текста выполнена переписчицами без ошибок прочтения и в целом соответствует принятой в то время практике транслитерации², поэтому можно предположить, что, хотя монахини знали цсл. язык, для ежедневного чтения привычной для них была латинская

ПсСН, 130 об.-131	Есphonemata (нумерация страниц отсутствует)
Pryдите wozradu <i>ie</i> msia hospodewi, wosklik <i>niem</i> bohu spasitelu naszemu. Predwarym lice ieho wo yspowiedanij, y w Psalm <i>ie</i> ch wosklik <i>niem</i> iemu. Jako boh wieliy hospod, y Car weliy po wsey zemli. Jako w ruce ieho wsi konci zemla, y wysoty hor toho sut. Jako toho iest more, y toy sotwori je; y suszu ruce ieho sozdast <i>ie</i> .	Pryдите wozraduimsia Hospodevvi, vvoskliknim Bohu spasitelu naszemu [...]. Predwarim lice ieho wo yspowidaniy, y wo Psalmich woskliknim iemu [...]. Iako Boh weliy Hospod, y Car weliy po wsey zemli. Iako w ruci ieho wsi koncy zemla, y wysoty hor toho sut. Iako toho iest more, y toy sotvvory ie; y Suszu ruci ieho sozdasti.

Для обоих текстов свойственна передача цсл. . буквой *ie*, однако если в ПсСН цсл. . преимушественно передается с помощью диграфа *ie* или *.(ruce, sozdastie, Psalmiech)*, то в Еср71 . последовательно транслитерируется как *.(ruci, sozdasti, Psalmich)*. Отмечены случаи гиперкорректного написания . на месте цсл. . (wozradu.msia, vvosklikn.m). Написание буквы . на месте цсл. ., отражающее украинское книжное чтение, встречается и в ПсСН (особенно часто — у второй переписчицы) [Целунова 2020, 46], однако значительно чаще цсл. . передается буквами *ie* или *e*.

(польская) графика. Это в том случае, если они писали эту рукопись для себя. Возможна и иная интерпретация: рукопись была написана монахинями не для себя, а для кого-то третьего, испытывавшего трудности в чтении кириллического текста, в силу чего латинская графика была для этого человека единственно доступной. Нельзя исключить еще один вариант: ПсСН могла быть переписана с латинографичного протографа, что свидетельствовало бы о существовании в конкретной монашеской среде определенной традиции использования латинской (польской) графики для передачи текстов на цсл. языке.

Рукопись написана на бумаге с филигранями «Герба Амстердама» в нескольких вариантах. Идентичных филиграний в альбомах выявить не удалось, установлен лишь один вариант, датируемый 1716 г. [Дианова 1998, № 58]. Хотя рукопись не датирована, на время ее создания косвенно указывает упоминание в инципите молитвы за царя слова *император*: «Niebiesny Caru **wiernaho Imperatora...**» (332 об.)³. Русское царство стало называться империей только в 1721 г. (после провозглашения Петра I императором), поэтому рукопись не могла быть написана ранее 1721 г. и позже 1725 г. (год смерти Петра I).

Текстологическое исследование рукописи показало, что большая часть входящих в ПсСН текстов восходит к изданным на Украине (Киеве и Львове) богослужебным книгам [Целунова 2021], но при этом нам не удалось найти конкретный цсл. протограф. Это могло бы указывать на то, что им мог быть не печатный, а рукописный сборник. В то же время было установлено, что заканчивающий рукопись молебный канон Прсв. Богородице *Скорбных наведения* является латинографичной транслитерацией текста, впервые изданного в Москве в 1718 г. [ПМ1718].

Статья посвящена изучению истории бытования рукописи ПсСН от ее написания до попадания в собрание А. С. Норова, целью которого является выяснение судьбы владелицы рукописи.

Несмотря на то, что текстология ПсСН и некоторые языковые особенности указывают на ее украинское происхождение, «владельческие» записи свидетельствуют о ее бытовании исключительно в Подмоскovie. Первая по времени появления запись, позволяющая определить местонахождение сборника, находится на оборотной стороне последнего листа рукописи: «я сею книгу ниумею читать и низнаю аткудва сея книга какимъ языком читайтца. сия книга принадлежить быть го- рода звинигарада уезду масковского вочины яго святилиства княззя ея андереея никалаивча (ди)/(дл...)» (448 об.).

Текст записи атрибутирует местонахождение ПсСН в звенигородской вотчине «его сиятельства князя Андрея Николаевича Ди/Дл...». Надо сказать, что в окрестностях Звенигорода с давних времен находились дворцовые сёла и вотчины многих дворянских родов. Начальная буква «Д» в фамилии вотчинника позволяет вести поиски прежде всего среди

князей Долгоруковых, на протяжении XVII–XIX вв. владевших в окрестностях Звенигорода многими селами (Покровское, Поречье, Богородское/Нащокино тож, Акулово и мн. др.), т. к. одним из представителей этого рода был статский советник князь Андрей Николаевич Долгоруков (1762–1834). Тем не менее, ни одно из названных сел не было его вотчиной: он был из той ветви князей Долгоруковых, имения которых находились в других российских губерниях. Однако в Звенигородском уезде находилась вотчина матери князя А. Н. Долгорукова — княгини Е. А. Долгоруковой (Станкевич) (1734–1803), которой принадлежали два села — Ивановское (Богородское) и Поварово. Эти села в документах 1800 г. числятся за «княгиней Катериной Андреевной Долгоруковой» [Максимова 2021, 837], а в метрических книгах за 1806 г. уже названы вотчиной князя А. Н. Долгорукова [ЦГАМ, ф. 203, оп. 745, д. 989, л. 732]. Можно предположить, что эта вотчина перешла к последнему после смерти матери в 1803 г. и принадлежала ему до 1834 г., когда он умер. Таким образом, единственной вотчиной князя Андрея Николаевича Долгорукова в Звенигородском уезде Московской губернии были вошедшие в этот уезд в 1802 г. села Богородское и Поварово, владельцем которых он являлся с 1803 по 1834 г. К этому времени и следует отнести приведенную выше «владельческую» запись. Однако из записи вовсе не следует, что рукопись принадлежала князю А. Н. Долгорукову. Запись, скорее всего, следует интерпретировать только в качестве доказательства того, что ПсСН находилась в его звенигородской вотчине. То обстоятельство, что запись была сделана малограмотным человеком (возможно, управляющим поместьем), позволяет предположить, что рукопись была найдена в вотчине князя А. Н. Долгорукова случайно — возможно, во время ремонта или перестройки какого-то здания.

Владельцы Богородского менялись достаточно часто: известно, что с 1616 г. по 1663 г. вотчиной владели боярин Г. И. Морозов и его наследники, с 1672 г. до 1726 г. — Ф. П. Нарышкин и его потомки, с 1726 г. по 1754 г. — Г. Д. Строганов и его наследники, а в 1765 г. усадьбу купил И. Д. Татаринов [Холмогоровы 1913, 172–173]. С 1800 г., как уже отмечалось, владельцами вотчины значатся Долгоруковы: сначала княгиня Е. А. Долгорукова, потом ее сын А. Н. Долгоруков, а после его смерти сын последнего, московский генерал-губернатор Владимир Андреевич Долгоруков [ЦГАМ, ф. 203, оп. 747, д. 1576, л. 364]. Таким образом, в 20-е гг. XVIII в. села были вотчиной Нарышкиных, а потом Строгановых.

Никаких сведений о том, каким образом могла оказаться рукопись ПсСН в их вотчине, у нас нет.

В господском доме в селе Богородском проживали приказчик и дворовые люди (в 1743 г. в селе было 35 дворов, приказчиком был Петр Володимиров(ич) [ЦГАМ, ф. 203, оп. 747, д. 89, л. 105 об.]), в селе была также церковь Рождества Прсв. Богородицы, перестроенная в начале XVIII в. на средства

Нарышкина: вместо деревянной была возведена кирпичная двухъярусная церковь в стиле московского барокко, считавшаяся одной из красивейших церквей Подмосковья. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что прихожанами этой церкви были жители не только Богородского и Поварова, но и близлежащих сёл, приписанных к церкви: Дудкино, Ростовцево и Михайловка (в настоящее время все они входят в состав городского поселения Поварово) ⁴. Эти сёла находились всего в четырёх верстах от Богородского и были вотчиной Московского Вознесенского девичья монастыря. Поскольку ПсСН принадлежала монахинине, сам факт обнаружения рукописи в окрестностях монастырской вотчины позволяет попытаться связать ее с этим женским монастырем.

Московский Вознесенский девичий монастырь находился в Кремле и считался «знатным», будучи местом пострижения и усыпальницей русских государынь и женщин знатного происхождения. В начале XVIII в. в нем проживало 205 монахинь, а в 1732 г. — 190 [Пшеничников 1894, 127] ⁵. До 1764 г. ⁶ монастырь был крупным землевладельцем: владел вотчинами в разных уездах, а число крепостных крестьян достигало 16 тыс. [Ibid., 114]. Вотчины приносили Вознесенскому монастырю немалые доходы и все необходимое для проживания и пропитания живущих в нем монахинь. Назначаемыми монастырем управляющими этих вотчин были так называемые *посельские монахини*, жившие там вместе с приказными и слугами [Ibid., 114-115]. Среди вотчин этого монастыря были и села Ростовцево, Дудкино и Михайловка в Звенигородском (ранее — Дмитровском) уезде. Известно, что в 1697 г. в сельце Ростовцево была построена мельница, а крестьяне должны были ежегодно в качестве оброка поставлять монастырю 560 яиц и 3 с половиной сажени дров [Холмогоровы 1884, 303-304]). Поскольку это село неоднократно упоминается в отчетах о доходах с монастырских вотчин, можно предположить, что там могла находиться посельская монахиня.

О положении монахинь Вознесенского девичья монастыря может свидетельствовать их реакция на некоторые пункты Прибавления к Духовному регламенту, изданного Синодом в 1722 году и предписывавшего им ряд новых требований, напр.: не иметь служительниц, иметь общую со всеми трапезу, не посылать в вотчины монахинь и др.

Оспаривая эти положения, монахини, многие из которых принадлежали к аристократическим семьям, в частности, заявили, что «в вотчинах Воскресенского девичья монастыря Московского, Дмитровского и Володимерского уездов, в четырех селах имеются посельские монахини, которые присмотр имеют над приказчиками и над старостами в пашне и в молотье хлеба и собрании от коров молока ... и ежели их из тех сел уволить, то в собрании хлеба и в присмотре молока ничего не будет» [ПСПиР 1872, № 954]. Возможно, что именно такой посельской монахиней была обладательница рукописной книги ПсСН, «присматривавшая» за

вотчинами в Дмитровском уезде и предпочитавшая жить поближе к церкви — в соседнем с Ростовцевым селе Богородском. Поскольку ПсСН была своеобразным молитвенником, предназначенным для келейного или домашнего пользования, монахиня должна была держать рукопись у себя и, возможно, прятать ее от посторонних глаз в доме, где она жила, как книгу, написанную латинскими буквами⁷. В результате каких-то непредвиденных обстоятельств (напр., смерть монахини или неожиданный отъезд из вотчины, за которым не последовало возвращение) книга долгое время оставалась в надежном укрытии и только спустя почти 100 лет во время ремонта или перестройки здания была случайно обнаружена одним из дворовых людей князя А. Н. Долгорукова. Поскольку сам князь в своей вотчине не жил и бывал там, видимо, редко⁸, нашедший рукопись человек оставил в ней памятную запись. Косвенным аргументом в пользу этой гипотезы служит также то, что приходская церковь села Богородского была освящена в честь Рождества Богородицы, а главной святыней Вознесенского собора московского Вознесенского монастыря был древний образ Богородицы «Одигитрии». Последним воследованием ПсСН был молебный канон Прсв. Богородице, а в конце рукописной книги обычно помещался канон святому, особо почитаемому в месте ее написания [Семячко 2011, 63], поэтому логично предположить, что рукопись ПсСН была написана в монастыре (приходе), освященном в честь Богородицы.

Хотя монахинями Вознесенского монастыря были преимущественно женщины аристократического происхождения, встречаются сведения о пострижении в этот монастырь и женщин более низкого сословия [ОД-ДАС 1891, 99, 177, 634]. Известно также, что в Вознесенском монастыре была своя библиотека, а монахини переписывали и переплетали книги [Костикова 2002].

Следующая «владельческая» запись «С.Успѣнск.Вяземск.тожъ. Г.Бих/ Бик...(?)», сделанная на л. 438 об. по верхнему полю рукописи, позволяет атрибутировать местонахождение ПсСН в селе Успенском (Вяземском), расположенном недалеко от Звенигорода — в том же регионе, о котором упоминает и первая запись. Букву «Г» рядом с фамилией можно считать как первой буквой имени владельца (тогда запись следует расценивать как владельческую), так и сокращением слова «господин» — в этом случае запись может указывать на то, что ПсСН была приобретена в названном селе у «господина Бик/Бих...». Предполагаем, что именно у этого человека А. С. Норов купил рукопись, причем случилось это не позже 1851 г., т. к. к декабрю 1851 г. относится прикрепленное к ПсСН рукописное описание этой книги, сделанное, скорее всего, по просьбе А. С. Норова.

Село Успенское долгое время было вотчиной Апраксиных, но с начала XIX в. принадлежало И. И. Бекетовой (1743-1823), а затем её сыну Ивану Петровичу Бекетову (1766-1835) [ЦГАМ ф. 51, оп. 8, д. 235, л. 307], действительному члену Московского

общества истории и древностей Российских, известному собирателю «редкостей». Его родной брат Петр Петрович Бекетов собирал рукописи, книги и портреты [Иконников 1892, 1162]. Подобно князю А. Н. Долгорукову, И. П. Бекетов в своей вотчине не жил⁹ и поручал проведение переписи крепостных крестьян своему дворовому человеку [ЦГАМ ф. 51, оп. 8, д. 234а, л. 180]. Поскольку семейство Бекетовых принадлежало к тому же кругу, что и А. С. Норов, последний мог приобрести рукопись непосредственно у Бекетовых или через доверенное лицо. Время и обстоятельства покупки рукописи А.С.Норовым неизвестны, однако в его архиве сохранилась запись о том, что он за нее заплатил 50 рублей [РГБ ф. 201, № 66, 18].

Последний владелец рукописи Авраам Сергеевич Норов (1795–1869) был известным библиофилом, книжное и рукописное собрание которого включало в том числе много иноязычных произведений. Он составил каталог собственной библиотеки, в котором есть краткое упоминание об исследуемой рукописи [Норов 1868, 13].

Итак, можно считать установленным, что латинографичная Псалтирь на цсл. языке, написанная в первой четверти XVIII в., была найдена в первой трети XIX в. в подмосковной усадьбе князя Андрея Николаевича Долгорукова — селе Богородском. Находка была, вероятно, случайной, но не осталась незамеченной, и спустя несколько лет через посредников попала в коллекцию А. С. Норова.

Мы проследили историю бытования рукописи ПсСН и попытались объяснить ее появление в селе Богородском следствием того, что соседние приходские села были вотчиной Московского Вознесенского монастыря, одна из монахинь которого могла быть посельской монахиней и жить в Богородском, где находилась ближайшая к монастырской вотчине церковь Прсв. Богородицы.

Как могла попасть украинская монахиня в московский Вознесенский монастырь? Сама по себе миграция православных из Речи Посполитой в Московское государство не была чем-то необычным. Известно, что начиная с середины XVII в. многие православные монахи переселялись с восточнославянских территорий Речи Посполитой в Москву, куда они устремлялись, спасаясь от тягот войны и преследований униатов¹⁰. Следующая волна православных беженцев приходится на первую четверть XVIII в., после Замойского собора 1720 г., где был формально завершен процесс латинизации Униатской Церкви.

Что мы знаем об этой монахине? Во-первых, из записи на последнем листе рукописи нам известно, что одна из монахинь была игуменьей («старшей») с инициалами Т и Д. Во-вторых, поскольку транслитерация цсл. текста выполнена без ошибок прочтения, монахиня хорошо знала цсл. язык (даже в случае, если цсл. протографом сборника был латино-графичный текст, последнее воследование было транслитерировано уже в Москве, т. к. вновь переведенный с греческого языка и впервые опубликованный

в 1718 г. в московской Псалтири канон Прсв. Богородице «Скорбных наведения» в начале XVIII в. еще не был известен юго-западнорусским книжникам и его нет даже в киевских богородичниках 1716 г. и 1731 г. [Целунова 2021, 53-54]). В-третьих, о владении монахи-нями польским языком могут свидетельствовать как немногочисленные полонизмы (*ieden, trzeci*, многократное употребление *stońce* на месте цсл. *сл#нце*¹¹), так и квалифицированное использование ими польских букв и принятых в польских книгах знаков препинания, сокращения слов и некоторых символов [Целунова 2020, 45]. Подпись монахини «*pm#e S:T:D mр#a*» указывает на ее знакомство с латинским языком. Все это говорит о том, что монахиня получила хорошее домашнее или церковное образова- ние по модели, использовавшейся в Речи Посполитой.

В этой связи хотелось бы упомянуть еще одну деталь рукописи: в трех местах на полях сборника рукой первой переписчицы написаны по- польски глоссы одного содержания: *przeciw diabła* (48 об., 121, 194 об.). Поскольку это единственные в рукописи глоссы, следует обратить на них особое внимание. Во-первых, они написаны **по-польски**, а поскольку эти глоссы не являются традиционным комментарием к тексту псалтири, монахиня их написала **для себя**. Сам факт, что единственный в рукопи- си комментарий к тексту псалтири написан по-польски, свидетельству- ет о том, что именно этот язык был для монахини привычным языком общения, а цсл. язык был для нее скорее языком конфессиональным. Во- вторых, грамматическая форма глоссы с род. пад. существительного после предлога *przeciw* не является польской, т. к. в польском языке после этого предлога должно следовать существительное в дат. пад. (*przeciw komu? czemu?*) [ŚLP XVII; LINDE 1811, 1072]. В то же время для вос- точнославянских языков характерно управление предлога *против* имен- но род. пад. (*против* кого? чего?) [Тимченко 2003, 252; ГСБМ 29, 258]. В-третьих, остается неясным, что подразумевает глосса *przeciw diabła*, комментирующая следующие стихи:

38:6 Hłahołach iazykom moim, skaz#i mi hospodi konczynu moiū, y czysło dniy moich koie iest; da rozumieiu czto liszaiusia az.

85:18 Sotwori so mnoiu znamenije wo blaho. Y da widiat nenawidiaszczyi mia, y postydiat sia:

141:6 Pohibe biehstwo ot mene, y niest wzyskaiay dusza moieia.

Как видим, ни в одном из этих стихов не содержится указания на то, почему именно они направлены против «дьявола». При этом в христиан- ской практике некоторые псалмы действительно читались для защиты от «демонов». В частности, в практике экзорцистов во время обряда изгна- ния из человека бесов было принято читать некоторые псалмы, однако среди них нет ни одного из глоссируемых в ПсСН псалмов [Starczewski 2013, 199]. Хотя обряд изгнания злых духов получил наибольшее разви- тие у католиков [Трейман 2018, 4], он был известен и православным хри- стианам, во многом

благодаря изданной в 1646 г. Петром Могилой книге *Єѣхологиѣ. албѣ Молитвословѣ, или Требникѣ*. Требник содержал переведенную из католического источника главу *Восследование о избавлении от духов нечистых* [ТПМ46, 373-420]¹², описывающую обряд изгнания «де-монов», в процессе которого читаются некоторые псалмы, однако псалмы 38, 85 и 141 в ней не упоминаются. Таким образом, глоссированные монахиней псалмы ни в православной, ни в католической церкви не использовались в обряде изгнания злых духов.

Что же тогда эти глоссы означают? У нас нет однозначного ответа на этот вопрос, но можно предположить, что слово *дьявол* монахиня использовала образно, в значении 'искуситель' — для обозначения своей греховности или как символ покаяния и мольбы о спасении от греха или искушения. Следует отметить, что «дьявол» как образ, символизирующий грех и нечистую совесть, встречается довольно часто в польской и переведенной с польского языка западнорусской православной богословской литературе. Так, в переведенном с польского языка на простую мову *Поучении об исповеди*, напечатанном в двух виленских Полууставах середины XVII в., нечистая совесть человека ассоциируется с различными образами, в том числе с паутиной, напоминающей «сети дьявола» [Корзо 2016, 44]. При этом подход католических и православных проповедников к проблематике греховности человека и путей его спасения различен: «в проповедях польских иезуитов бытие человека определяется его неизбывной и непреодолимой греховностью» [Корзо 1998, 69].

Таким образом, глоссы могут быть еще одним подтверждением того, что создательницами ПсСН были воспитанные в иноконфессиональной культурной среде православные монахини, отчасти впитавшие в себя идеи и образы, характерные для культурно-богословской среды Речи Посполитой¹³.

Итак, хотя своим происхождением рукопись ПсСН связана с жившими в Речи Посполитой украинскими монахинями, история ее бытования оказалась удивительным образом косвенно связанной с выдающимися и знаковыми для России людьми и местами. Это князь А. Н. Долгоруков и его сын — московский губернатор князь Владимир А. Долгоруков, в имени которых была рукопись найдена; владелец села Успенского (Вяземского) Иван Петрович Бекетов, живший в Москве в знаменитой «канатчиковой даче», а также, возможно, легендарный Вознесенский девичий монастырь в Кремле.

Сокращенные обозначения источников

ЛекС1722 — *Лексикон, сиречь словесник славенский, имеющ в себе слова первее славенския азбучныя, по сем же польския*. Супрасль, 1722.

ПМ1718 — ПСАЛТИРЬ, Москва, 1718.

ПсСН — ПСАЛТИРЬ СЛЕДОВАННАЯ. ОР РГБ, фонд 201 (Рукописное собрание А. С. Норова), № 10.

РГБ — Российская государственная библиотека. ТМ58 — *Требник*, Москва, 1658.

ТПМ46 — *Требник* Петра Могилы, Киев, 1646. ТЛ68 — *Евхологион*, Львов, 1668.

ЦГАМ — Центральный государственный архив г. Москвы. Литература

Литература

ГСБМ — *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, 1982–2017. Вып. 1–37. Мінск: Беларуская навука.

ДИАНОВА, Т. В., 1998. *Филиграния XVII–XVIII вв. «Герб Амстердама»*. Москва: ГИМ.

ДУХ, О., 2017. *Превелебні панни: Жіночі чернечі спільноти Львівської та Перемишльської єпархій у ранньомодерний період*. Львів: УКУ.

ЖИВОВ, В. М., 2002. *Разыскания в области истории и предьстории русской культуры*. Москва: Языки славянской культуры.

ИКОНИКОВ, В. С., 1892. *Опыт русской историографии*. Т.1, кн. 2. Киев: Типо- графия Императорского Университета.

КАРСКИЙ, Е. Ф., 1921. Белорусы. III. Очерки словесности белорусского племени, Старая западнорусская письменность. Петроград: 12-я Государственная Типогра- фия.

КЛИМАЎ, І., 2013. Функцыянаванне і ўзаемадзеянне розных славянскіх моў і літаратур у Вялікім княстве Літоўскім. In *Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. XV Міжнародны з'езд славістаў (Мінск, Беларусь, 20–27 жніўня 2013). Даклады беларускай дэлегацыі*. Мінск: Беларуская навука, 53–72.

КОРЗО, М. А., 1998. Грех и спасение в католической и православной проповеди Речи Посполитой в XVII в. Попытка сравнения. In *Славянский альманах: 1997*. Мо- сква: Индрик, 52–76.

КОРЗО, М. А., 2016. История одного текста. Поучение об исповеди в составе ви- ленских Полууставов XVII в., *Studi Slavistici*, Т. XIII. 43–57.

КОСТИКОВА, Р. С., 2002. Вознесенский монастырь – значение в истории Рос- сии. URL: <https://www.kreml.ru/research/scientific-council002v2/zasedanie-uchenogo-soveta-20020422/> (15.12.2021).

МАКСИМОВА, Т., 2021. Звенигородский уезд: приходы. URL: <https://disk.yandex.ru/i/1NGGCOWMgYSIQg> (4.10.2021).

НОРОВ, А. С., 1868. Библиотека Авраама Сергеевича Норова. Часть 1-я. Санкт- Петербург: Типография Императорской Академии Наук. Петербург: Типография Ака- демии наук.

ОДДАС, 1891. Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего пра- вительствующего синода. Том 8. Санкт-Петербург: Синодальная типография.

ПСПиР, 1872. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 2. Санкт-Петербург: Синодаль- ная типография.

- ПСПиР, 1889. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 6. Санкт-Петербург: Синодальная типография.
- ПШЕНИЧНИКОВ, А., 1894. Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского девичьего монастыря в Москве. Москва: Типография В. А. Гатцук.
- РУДЕНКО, Е., 2019. Восточнославянские латинографические тексты Великого княжества Литовского. In KEMPGEN, S., TOMELLERI, V. S. (eds.). *Slavic alphabets and identities* (BABEL 19). Bamberg: University Press, 221–253.
- СЕМЯЧКО, С. А., 2011. К определению следованной псалтири как сборника устойчивого состава. In Вестник НГУ. Серия: История, филология. Том 10, выпуск 8: Филология, 59–68.
- СМИЛЯНСКАЯ, Е. Б., 2004. Суеверие и народное религиозное вольнодумство в России XVIII в. Автореферат дисс. доктора исторических наук. Москва.
- СУРКОВА, Е., 2015. Азб#ка и/или Abeceda: об истории графических систем в Беларуси. In TOMELLERI, V. S., KEMPGEN, S. (eds.). *Slavic Alphabets in Contact. Bamberger Beiträge zur Linguistik, Band 7: University of Bamberg Press*, 95–130.
- ТИМЧЕНКО, Є. К., 2002–2003. Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст. (Підготували до видання В. В. Німчук та Г. І. Лиса). Кн. 1–2. Київ – Нью-Йорк.
- ТРЕЙМАН, Л. В., 2018. Экзорцизм в западноевропейской христианской культуре: обрядовые и коммуникативные практики. Дисс. кандидата культурологии. Москва.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А., 2002. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Изд. 3-е. Москва: Аспект Пресс.
- ХАРЛАМПОВИЧ, К. В., 1914. Малоросійське вплив на великорусську церковну жизнь. Томъ 1. Казань: Книжный магазин М. А. Голубева.
- ХОЙНАЦКИЙ, А. Ф., 1871. Западнорусская церковная уния в ее богослужениях и обрядах. Киев: Типография Киевопечерской Лавры.
- ХОЛМОГОРОВЫ, 1884. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные из книг и дел преждебывших патриарших приказов В. И. и Г. И. Холмогоровыми, при руководстве В. И. Забелина. Москва: Московская Городская Типография.
- ХОЛМОГОРОВЫ, 1913. Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII вв. Выпуск. 11. Верейская, Дмитровская и Троицких вотчин десятины. Москва: Синодальная типография.
- ЦЕЛУНОВА, Е. А., 2020. Псалтирь на церковнославянском языке, написанная польскими буквами (из собрания А. С. Норова), *Slavistica Vilnensis*, 65(2). 38–53. <https://doi.org/10.15388/SlavViln.2020.65%282%29.46>
- ЦЕЛУНОВА, Е. А., 2021. Текстологическое исследование латинографической псалтири на церковнославянском языке из собрания А. С. Норова, *Slavistica Vilnensis*, 66(2). 41–61. <https://doi.org/10.15388/SlavViln.2021.66%282%29.70>

- LINDE, S.-B., 1811. Słownik języka polskiego. T. 2, cz. 2: P. Warszawa: u Autora. OHILEWICZ, P., 1671. Ecphonemata Liturgiey Greckiey. Wilno: drukarnia Monastyras. Troyce OO. Bazylianow.
- SENYK, S., 1983. Women's monasteries in Ukraine and Belorussia to the period of suppressions. Roma: Pont. Institutum Orientalium.
- STARCZEWSKI, K., 2013. Biblijne podstawy liturgii egzorcyzmów w odnowionym «Rytuale Rzymskim», Kieleckie Studia Teologiczne, 12. 197–213.

сноска

- 1 Словом starsza назывались игумены в православных и униатских монастырях Речи По- сполитой [Дух 2017, 228; Senyk 1983, 147].
- 2 Обе переписчицы руководствовались одинаковыми правилами транслитерации цсл. тек- ста польскими буквами, реализуя их не всегда последовательно [Целунова 2020, 44]. В этой связи интересно сравнить принципы транслитерации цсл. текста в ПсСН и в книге Ecphonemata [Ohilewicz 1671], в которой отражено церковное произношение, принятое у униатов Речи По- сполитой. Сравним фрагмент 94-го псалма в этих книгах:
- 3 На л. 277 об. в этой же молитве употребляется слово царь, что могло бы означать, что рукопись была написана в период смены наименования государства, т. е. в 1721–1722 гг.
- 4 В исповедных росписях церкви Рождества Прсв. Богородицы за 1743 г. в приходе, состо- ящем из нескольких деревень, значатся 93 двора (289 душ мужского пола и 326 душ женского пола) [ЦГАМ, ф. 203, оп. 747, д. 89, л. 105–122 об.].
- 5 В 1724 г. для Вознесенского монастыря был установлен следующий штат: игуменя, на- местница, казначея, 80 удельных стариц (т. е. получающих жалованье) и 39 полуудельных; мо- нахини моложе 40 лет (20 удельных и 23 полуудельных) были в это время переведены в другие монастыри [Ibid., 127].
- 6 В 1764 г. в результате секуляризационной реформы все монастыри лишились своих вот- чин, которые перешли в ведение Коллегии экономии.
- 7 Думается, что монахиня не была заинтересована в афишировании своего латинографич- ного молитвенника и старалась скрыть его от посторонних глаз, чтобы избежать непонимания или обвинения в ереси, богохульстве или колдовстве, т. к. многие люди в это время подозритель- но относились к иноязычным текстам как к потенциальным носителям «латинской ереси». Так, например, в Требнике Петра Могилы находим следующее замечание: «Знаменї# же бѣснаг# сѣть# сї#: ино#зычн# глаголати мн#гими словесы, или глаголющаг# раз#мѣти...» [ТПМ 1646, 310]. Несмо- тря на то, что официальное отношение к представителям иных конфессий в России постоянно менялось и в Петровскую эпоху было намного более толерантным, чем в предыдущую [Живов 2002, 344–380], нашедший рукопись случайный человек мог ее уничтожить или обвинить мона- хиню в богохульстве либо ереси, что в XVIII в. случалось нередко [Смилянская 2004].
- 8 О том, что князь А. Н. Долгоруков не жил в этой своей вотчине, свидетельствует то, что ревизские сказки 1816 г. по его доверенности были подписаны управляющим «Иваном Ильи- ным сыном Ефремовым» [ЦГАМ ф.51, оп. 8, д. 91, л. 51–70 об.], а во время переписи населения 1834 г. он поручил подписать ревизские сказки крестьянину деревни Поварово Егору Кондра- тьеву, оставив ему доверенность. Поскольку тот был неграмотным, сказки подписал

- дворовый человек «Михайла Николаев сын Полубенской» [ЦГАМ ф. 51, оп. 8, д. 234а, л. 1208–1235].
- 9 И. П. Бекетов постоянно жил в своем московском доме, в настоящее время известном как «канатчикова дача».
 - 10 Самыми «западнорусскими» монастырями по этническому составу насельников были следующие: из мужских — Валдайский Иверский, Московский Андреевский и Звенигородский Саввино-Сторожевский монастыри, из женских — Московский Новодевичий. В этих монастырях белорусские и украинские монахи и монахини жили целыми колониями и часто их возглавляли [Харлампович 1914, 262–281].
 - 11 Написание слонце, впрочем, встречается и в текстах на простой мове [ТИМЧЕНКО 2003, 331; ГСБМ 31,436].
 - 12 Требник Петра Могила был в 1668 г. перепечатан во Львове [ТЛ68], а в 1658 г. использовался при создании московского Требника [ТМ58], включавшего и Восследование о избавлении от духов нечистых.
 - 13 Полное имя одной из монахинь с инициалами Т. Д. нам, к сожалению, выяснить не удалось. Монахини с этими инициалами нет в опубликованных списках монахинь униатских монастырей Речи Посполитой [Дух 2017, 529–657] и в доступных нам справочниках и архивных материалах, изданных в России.

Información adicional

Елена Александровна Целунова: кандидат филологических наук, доцент. Независимый исследователь, Прага, Чехия.

Jelena Aleksandrovna Celunova: CSc. Independent Researcher, Prague, Czech Republic.

Jelena Aleksandrovna Celunova: filologijos mokslų kandidatė, docentė. Nepriklausoma tyrėja, Praha, Čekija.